

Интервью с Юрием Александровичем ФРАНЦУЗОМ

Я ОПИСАЛ ТОЛЬКО МАЛУЮ ТОЛИКУ ВСЕГО ПЕРЕЖИТОГО И ПРОЙДЕННОГО

Француз Ю. А. — окончил финансовый ф-т Ленинградского Финансово-экономического института (1976). Кандидат экономических наук (1988 г.), MA in Sociology (2000), PhD in Sociology (2017 г.), доцент кафедры социальной психологии СПб Гуманитарного Университета.

Основные области научного интереса: Динамика рождаемости в государствах с социально-политической нестабильностью, демографическое развитие в России и странах СНГ, влияние социально-экономического неравенства на здоровье, теория народонаселения (возможность интеграции теорий).

Интервью состоялось: декабрь 2017 г. — февраль 2018 г.

Я очень давно знаю моего собеседника — социолога, экономиста и демографа Юрия Александровича Француза, в начале 1980-х мы вместе работали в Институте социально-экономических проблем АН СССР в Ленинграде. Но это не означает, что, задавая Юрию вопросы, я — пусть приблизительно — знал его ответы. Ничего подобного.

В 1988 году он успешно защитил кандидатскую диссертацию по экономике, занял первое место на конкурсе молодых ученых ИСЭП АН СССР и второе — на Всесоюзном конкурсе молодых учёных СССР. Победителем этого конкурса была обещана командировка в Великобританию или Америку. Далее события развивались так, что, выдержав языковой экзамен, Юрий получил возможность обучаться в аспирантуре одного из американских университетов. Завершилось все успешно, в конце августа 1990 года он уехал в США в докторантуру Миннесотского университета для получения степени PhD. Начался долгий и сложный путь — Одиссея — к знаниям и степени.

С тех пор мы не встречались, хотя, когда я уже жил в Америке, Юрий несколько раз звонил мне. Приезжая в Петербург, я слышал, что движение Юрия Француза к PhD не было гладким, но продолжалось. И вот в начале ноября 2017 года я получил от него мейл: “Dear Boris! I’ve just defended my PhD thesis via SKYPE at the University of Minnesota and happy to take a breath for resuming our in-depth interview with me project. Please advice. Best, Yuri Frantsuz.” Скажем так, Одиссея завершилась...

В декабре 2017 года мы начали нашу беседу, планировали ударно работать и все завершить в феврале, но рассказ Юрия о долгом путешествии, естественно, затянулся, и я рад тому, что беседа затянулась. Я многое узнал о вхождении Юрия в американскую студенческую жизнь, о характере его работы, о людях, с которыми он пересекался. В целом, это описание (пока) мало известной модели деятельности российского ученого, не привязанного к определенной стране, тем более – научному коллективу и, даже, к тематике исследований.

Первая публикация настоящего интервью: Француз Ю. А.: «Я описал только малую толику всего пережитого и пройденного» (Интервью Б. Докторову) // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. 2018. №3. С. 2-14.

Ю. А. Француз: «Я описал только малую толику всего пережитого и пройденного»

Юра, мне кажется, ты появился в Институте социально-экономических проблем АН СССР в начале 1980-х, по-моему, имея экономическое образование. Так ли это? Так — не так, но в любом случае у тебя были до-ИСЭПовские годы. Давай немного поговорим о них... Ты ленинградец, давно ли твоя семья живет в Ленинграде-Петербурге? Что вообще ты знаешь о своей родительской семье? Каково происхождение твоей нечастой фамилии — Француз?

Конечно, моя жизнь не начиналась с ИСЭПа. До него я работал по распределению в райфинотделе два года, окончив финансово-экономический институт им. Н. А. Вознесенского. В этот институт я поступил, так как это было одно из немногих, если не единственное, место в городе, где читали курс по интересовавшей меня социологии. Читала его Алла Константиновна Назимова, жена Виктора Шейниса, и назывался этот курс «Социология труда». Общественными проблемами я интересовался с подросткового возраста и хотел работать в этой области с самого начала.

Хотя другим сильным увлечением была рок-музыка, и по окончании финансово-экономического института передо мной была дилемма — пойти ли по распределению с надеждой на дальнейшую академическую работу в области общественных наук, или же отправиться на гастроли в Чигет с рок-группой, в которой я в свободное время играл. Группа эта называлась «Большой железный колокол», она отпочковалась от знаменитого «Санкт-Петербурга», и в ней играл будущий гитарист ещё более знаменитой ДДТ, Никита Зайцев. Я выбрал первый вариант, и он оправдался в том смысле, что после распределения я все же попал в ИСЭП и стал заниматься одним из двух самых любимых дел. Большинство же музыкантов из «Большого железного колокола» кончили плохо, на чём-то поправшись в Чигете и надолго прервав музыкальную карьеру. Исключение — Никита Зайцев, который успешно работал в ДДТ, но кончил плохо в другом смысле, умерев в раннем возрасте из-за значительного употребления алкоголя и наркотиков.

Точное происхождение моей фамилии мне неизвестно, но есть разные гипотезы на эту тему. По одной из них, эта фамилия идёт из Испании от Францисков, или от Францисканцев. Француз — это огрублённая, русифицированная версия Франциска. По другой версии, эта фамилия — кличка наподобие Немцова. В отличие от «немца», то есть «немого, не говорящего по-русски», французами называли франтов, уделяющих особое внимание модной одежде и обладающими изысканными манерами. Ещё одна версия — эта фамилия могла пойти от какого-то пленённого наполеоновского солдата, обосновавшегося в России.

Моя семья происходит из Беларуси: по отцовской линии — из Витебска, по материнской — из Бобруйска и Минска. Мать моего отца (кстати, прожившая 108 лет, жила в трёх веках), благодаря буржуазному происхождению получила право перебраться с родителями в Петербург (в отличие от остальных евреев, живших в черте оседлости). Материнская семья переехала в Ленинград в довоенные годы, я уже родился в этом прекрасном городе. Мои мать и отец развелись, когда мне было

четыре года. И, хотя я поддерживал тесный контакт с отцом и его мамой, то есть моей бабушкой, основное воспитание я получил в материнской семье. Несколько слов об этой семье.

Это была невероятно дружная, хотя и далеко не бесконфликтная семья, весьма благополучная по критериям того времени. Это был открытый дом, где часто устраивались приёмы, и частыми гостями были очень интересные люди, многие из них — из академического и артистического мира. На рождение моей мамы писались капустаники покойными Ю. и М. Аптекманами, частыми гостями были актёр Михаил Козаков и бард Александр Галич, устраивавший домашние концерты, в том числе и в нашем доме, и на даче. Удивительно, до сих пор помню многие его устные рассказы, которыми он сопровождал разные песни. Гражданским мужем мамы в её последние годы был известный лингвист, литературовед-германист, лауреат премии Генриха Бёля, Владимир Адмони, кстати, добровольно выступивший защитником на процессе Иосифа Бродского. Во время этих приёмов В. Адмони очень способствовал возникавшим интеллектуальным дискуссиям.

Мне кажется, что опыт воспитания в материнской семье сыграл колоссальную роль в моей жизни. Прежде всего, я получил пример того, как здорово иметь дружную семью, готовую друг за друга всё отдать. Во-вторых, у меня появился вкус к интересному общению, который я старался продолжить и после ухода из жизни материнской семьи. Это интересное общение способствовало тому, что в первые годы пребывания в США тамошняя жизнь мне показалась пустой и скучной — общение «от и до» и далеко не с такими интересными людьми. С другой стороны, теперь мне кажется, что моё воспитание в материнской семье не дало мне представления о том, что жизнь — это также и суровая борьба за выживание, продвижение и самореализацию. Я оказался крайне не готов к этому, когда, оказавшись в Америке, столкнулся с целым рядом колоссальных трудностей, и жизнь предъявила мне гамбургский счёт на эти «продукты».

Спасибо, Юра, интересный рассказ... об Америке мы, естественно, поговорим, но сначала — в нашем разговоре — мы должны до нее добраться. В какой части города ты жил в детстве? Какую школу ты посещал? Судя по тому, что ты уже вспомнил, наверное, ты в детстве читал достойную литературу, рано начал осваивать поэзию, занимался в музыкальной школе?

С пяти лет я ходил в группу английского языка, то, что в Америке бы назвали своего рода «day care center». Английскому учила натуральная англичанка, в группе были дети из интеллигентных семей, там также устраивали всякие игры, общение, кормили. По сути, это были «brown bags». Также, с шести лет, обнаружив наличие абсолютного слуха, меня учили музыке, сначала у частного преподавателя, а затем отдали в музыкальную школу на Садовой улице (директор — Ляховицкая). Её я и закончил в 14 лет.

Дальше встал вопрос, продолжать ли музыкальное образование. Та музыка, которая меня увлекала в то время, не преподавалась в музыкальной школе и даже в консерватории, это, как я говорил в предыдущем ответе — рок-музыка. И до 16 лет в моей семье, с привлечением многочисленных знакомых, шли дебаты — идти ли мне всё-таки по музыкальному пути или следовать другому моему сильному увлечению — общественным наукам. Рок-музыка в то время, это был конец 60-х и начало 70-х годов, была в подполье, я сильно сомневался, стоит ли мне становиться, следуя

моим вкусам, маргиналом. Один из знакомых примерно так и произнёс свою «агитку» на эту тему: «Конечно, — говорит — если ты будешь играть рок, — девушки будут в восторге, но жизнь будет такая же, как у истопника или охранника». На самом деле, сам не понимая, этот человек озвучил сильный аргумент в пользу занятия любимым делом: вызывать эмоции у прекрасной половины было (да и остаётся) для меня не последним делом. Тем не менее, я всё же решил не продолжать музыкальную карьеру, а пойти по линии общественных наук.

Если не ошибаюсь, твой отец в 60-е — 70-е годы занимался распознаванием образов, мне кажется, что я, еще будучи студентом, как-то встречался с ним в нейрохирургическом институте им. Поленова. Кем по профессии была твоя мама? Какие планы относительно профессии ты строил в старших классах школы?

Да, действительно, мой отец занимался распознаванием образов. Он был доктором технических наук, писал статьи на эту самую тему совместно с Цукерманом и Иосифом Михайловичем Тонконогим. Последний работал в Бехтеревском Институте, так что у меня нет идей, что мой отец делал в том институте, где ты его встретил. Моя мать была кандидатом медицинских наук, работала в рентгено-радиологическом институте в Песочном (не в онкологическом). Её фокусом была микробиология. Я воспитывался, как говорил выше, в очень благополучной семье и, как и у многих в СССР, это не напрямую было связано с формальным статусом. В моей семье было много важных и полезных знакомств, которые помогали сделать жизнь и благополучнее, и интереснее. Я жил на улице Каляева во дворе дома на углу с пр. Чернышевского. Это была типичная питерская квартира с высокими потолками и большой прихожей. Гостиная была украшена картинами кистей Кипренского и Маковского, в столовой висела люстра севрского фарфора.

В студенческие годы я занимался распознаванием, но с использованием статистических методов. Сотрудничал с И. М. Тонконогим. А жил — на другой стороне Таврического сада, там есть тихие улицы: Тверская, Мариинский проезд, Калужский переулок.

Ты пишешь, что поступил в Финансово-экономический институт, так как там А. К. Назимова читала социологию труда. Какой это был год? Как ты узнал о социологии и о курсе Назимовой? Чем тебя привлекла социология?

Пожалуйста, Юра, разверни, откуда ты узнал о социологии, что читал до института?

Закончив английскую школу №185, я поступил в Финансово-экономический институт в 1971 году. Одним из главных мотивов было то, что там читали социологию — какую бы то ни было, хоть труда, хоть досуга, хоть банков, всё равно я бы на неё повёлся, так как она была in short supply.

Примерно с 13—14 лет я начал следить за событиями общественной и политической жизни. Своеобразной вехой стал 1968 год, как известно, в августе этого года произошло вторжение советских войск в Чехословакию. Это был август месяц, я жил на даче в Комарово, и, напротив, в Доме писателей, были зашторены окна, из каждого из них раздавались звуки заглушаемых иностранных радиостанций. Маскировка с зашторенными окнами не помогла, один раз официантка в Доме писателей окликнула какого-то светилу, забывшего на столе транзистор: «Вы своё ВВС забыли».

Другим событием, привлечшим моё внимание, была предвыборная кампания в США — в том же году. Из-за выдвижения кандидатуры антивоенным сенатором Ю. Маккарти действующий президент Л. Джонсон отказался от выдвижения своей кандидатуры на второй президентский срок — почти неслыханный случай. Во время этой же кампании был застрелен другой кандидат на пост президента страны Р. Кеннеди, брат убитого раннее президента. Интерес к предвыборной кампании был настолько силён, что с тех пор каждые четыре года я пристально слежу за всеми перипетиями последующих президентских гонок. К слову, мне посчастливилось, уже находясь в США, наблюдать за исторической кампанией 2000-го года со знаменитым пересчётом голосов выборщиков во Флориде, от которых зависел результат кампании.

Что касается интереса непосредственно к социологии, то, насколько я помню, он начал возникать под влиянием прочтения трудов Игоря Кона. В частности, я был впечатлён его трудом о социологии дружбы; также, я с упоением читал его описание жизни в американском кампусе. С тех пор побывать там стало моей мечтой, которая впоследствии усилилась под влиянием прочтения романа Ирвина Шоу «Вечер в Византии» (там упоминается UCLA). О том, чтобы пожить в американском кампусе в качестве студента или аспиранта, я не мог и мечтать в то время, но это произошло. Возможное объяснение — в фильме «Великий секрет», где утверждается, что мысли материальны и притягивают наиболее желаемые события. Я продолжаю тестировать эту теорию в своей жизни, мечтая о вещах, всем представляющихся несбыточными.

Как складывалась учеба в Финэке? Что привлекало, что ты не принимал?

Учился я в финансово-экономическом институте из рук вон плохо. По большинству предметов еле получал тройки, и то не всегда. Исключением было несколько предметов, по которым отличался — та же социология труда, экономическая история, философия, политэкономия и, естественно, английский язык. В чём причина плохой успеваемости? Думаю, не в плохом качестве преподавания. Мне иногда самому трудно понять, что со мной происходило. Какая-то беспечность, неорганизованность, неумение собраться, сосредоточиться. Думаю, связано это с какими-то личностными чертами, возможно, с особенностями возраста. Но была и социальная составляющая. Материальное благополучие представлялось гарантированным, с одной стороны. С другой — я не видел, что собственные усилия могут как-то сильно продвинуть в карьере. Аспирантура или работа в академическом институте представлялись почти несбыточными, и главную роль в шансах на занятия этих позиций, как казалось, играло наличие связей.

Кроме крайне плохой успеваемости, шаткости и маргинальности положения в институте добавляли отношения с сокурсниками (крайне недружественные) и отстаивание мною свободы как я её понимал. Это было не столько неприятие общественного строя, сколько желание самому определять правила поведения, манеры одеваться и общения с преподавателями. Когда военная кафедра потребовала носить короткие стрижки, я перестал её посещать, т.к. хотел ходить с длинными волосами. Непосещение военной кафедры вело к отчислению из института, и я уже был внесён в списки на отчисление. Спасли меня от отчисления мои родные, нажав на нужные кнопки.

Я также считал, что посещение/непосещение занятий является моим личным делом, и никто не вправе указывать мне, каким способом я должен получать знания — чтением литературы, посещением занятий или дохождением до них собственным

умом. Поэтому меня возмущало, что непосещение занятий рассматривалось как повод к недопуску к экзамену, или же являлось критерием снижения оценки независимо от продемонстрированных знаний.

В то время я приятельствовал с одним сокурсником, вольнодумцем и поэтом-любителем, на мой взгляд, очень талантливым. Он был (к сожалению, в 43 года умер) из Мурманска, звали его Андрей Соловьёв. Он был посмелее меня, и эпатировал институтский истеблишмент в полный рост. Так, в анкете той же военной кафедры в графе «национальность» написал «негр». Как говорил потом капитан-сотрудник кафедры: «Смотрю в анкету, Соловьёв – негр, и думаю, слабо знаю этнографию».

С Андреем мы часто собирались вместе по случаю выволочек, устраиваемых нам в деканате. Отмечали их обильными возлияниями. Мы оба страстно любили рок-музыку и ездили в гости к главному битломану Ленинграда Коле Васину послушать малодоступные пластинки. Общение прекратилось после одной шутки Андрея, которую не простил обидчивый Васин.

Мы слушали известнейшую песню Битлз «Sgt. Pepper» в новой интерпретации известного гитариста Джими Хендрикса. И я сказал: «Как можно так менять классику?» Васин в присутствии менторском тоне начал возражать: «Sgt. Pepper» – это не догма...», и здесь Андрей оборвал его, вставив: «А – руководство к действию».

Зимой Андрей уезжал в родной Мурманск, и мы перезванивались, обсуждали свежие рок-музыкальные события. Как шутили мои родные: «Кабель дрожит от напряжения – «Slade» ударились в рор, а «King Crimson» перехватили лидерство в арт-роке у «Jethro Tull».

Мы с Андреем часто ходили в гости к моей бывшей однокласснице, с которой я до того мало общался – Софье Нездатной, сейчас она живёт в Израиле. Кстати, Зеленко (БД: здесь Ю.Француз упомянул супругов Зеленко, с которыми я познакомился в Америке, они живут близко от меня) – очень близкие друзья Софьи, её бывшего мужа Саши, и самого Андрея. Всегда слушали музыку, сидя на расстеленных на полу шкурах хищных зверей, обсуждали все животрепещущие для того времени и тогдашнего возраста темы. К слову, за всю последующую жизнь, общаясь с немалым количеством людей, я редко когда встречал таких, которые обладали бы таким же умением слушать людей и вникать в их проблемы, как Софья.

Очень благодарен ей за то, что порекомендовала мне рассказ, который перечитываю и по сей день, написал его замечательный афроамериканский писатель Болдуин и называется он «Блюз Сонни». Он – о дошедшем до края джазовом музыканте. Когда его вернули к жизни, и он выплеснул свои эмоции на новом концерте, то люди поняли, что его мученическая жизнь – плата за искреннюю и классную музыку. Рассказы, подобные этому, и формировали жизненное мироощущение. Ещё один пример подобного же умонастроения – рассказ Хулио Кортасара «Преследователь» – о джазовом музыканте Чарли Паркере. Прототип этого музыканта в рассказе ведёт чудовищный и беспорядочный образ жизни, всегда в депрессии, запое и нищете, однако он заставляет вполне благополучного, буржуазного и семейного персонажа, от имени которого ведётся повествование, почувствовать пустоту и никчёмность собственной жизни.

Вообще, мы все находились под влиянием культуры, призывавшей действовать по зову души – «Глазами клоуна» Бёля, «Над пропастью во ржи» Селинджера, и, конечно же, музыки «Beatles», «Rolling Stones» и «Doors».

В самые последние студенческие годы, на 4-м и 5-м курсах, мой кузен А. Зальцман, обучавшийся в пединституте им. Герцена, познакомил меня с некоторыми своими сокурсниками и сокурсницами. Хочу выделить среди них Аню Малкиель, сейчас проживающую в Bay Area. Она всегда замечательно пела джаз и фолк, и сейчас выступает в джазовых клубах Сан-Франциско. В эту же компанию входил и Володя Розенбаум («Баум», как его звали), младший брат известного барда. Он потрясающе играл на гитаре и пел голосом настоящего чёрного из южной глубинки. Мы часто собирались компанией, готовили капустники, музицировали. Большим праздником являлись зимние каникулы, которые мы ударно проводили в пригородных домах отдыха, – ВТО, «Репинской», «Джузеппе ди Витторио». Во многом моя жизнь того времени была в основном ожиданием этих праздников – здесь-то, мне казалось, и была реальная, невсамделишная жизнь – праздник, общение, новая музыка, новые девушки.

Ну что, Юра? Неплохо... один из стилей жизни ленинградского студенчества. И все же, дело шло к завершению института, какое направление экономики ты избрал, по какой тематике делал дипломное исследование, под чьим руководством?

Во время обучения в финэке из-за плохой успеваемости меня перевели с факультета НОТ, где читался курс Назимовой «Социология труда», на факультет финансов. Поэтому я писал диплом на этой кафедре; точное название диплома не помню, но это было что-то о системе платежей и предприятий в бюджет. Фамилию руководителя также не помню, но это был достаточно молодой доцент кафедры. Получил диплом по специальности «финансы и кредит».

Писал диплом я без отвращения, но и без большого энтузиазма. В это время у меня был роман, который развивался неудачно, и я считал, что вся жизнь, что с дипломом, что без, что с Нобелевской премией, абсолютно бессмысленна. С написанием диплома мне сильно помогли специалисты, привлечённые родными. Защитился я, впрочем, на «отлично».

Так что говорить об избрании направления можно с долей условности, ибо, желая заниматься социологией, я не имел возможности следовать этому желанию из-за своей же плохой успеваемости. Впрочем, курс А. Назимовой я прослушал, был ею же отмечен, и в будущем получил от этого преподавателя хорошие советы (неформальные, на основе завоеванной во время прохождения курса репутации) по дальнейшему устройству на работу (уже по окончании работы по распределению).

Так или иначе, Юра, но институт закончен, какой это был год? Наверное, еще существовала система послевузовского распределения студентов... Что тебе предложили? Или что ты сам для себя выбрал?

Я закончил финэк в 1976 году. Меня направили работать в Райфинотдел Смольнинского района по распределению. Работа была связана с определением правильности налогообложения предприятий, с работой я справлялся плохо, и меня перевели в Сестрорецкий Райфинотдел работать инспектором по штатам. Надо было ходить по здравницам и домам отдыха этого района, проверять штатное расписание, устанавливать незаконно работавших сверх этого расписания и т.п. На Шерлока Холмса я не тянул, с отловом получалось плохо, и заведующая была рада отпустить меня до окончания обязательного трёхлетнего отбытия по распределению.

В это же время я начал предпринимать попытки устройства в различные институты, в том числе отраслевые. Никуда не брали, скорее всего, по причинам, связанным с пятой графой в анкете. Но затем была закинута удочка в академический институт, ИСЭП. Здесь у моих родных были связи, имелся выход на тогдашнего директора института Гелия Николаевича Черкасова. Вопрос был в том, в какой сектор идти на работу. Одно время я сильно склонялся к работе в секторе экологии, но тут вмешалась А. Назимова и порекомендовала подумать о секторе демографии и трудовых ресурсов. Частично эта рекомендация была дана на основе того, что человек, который хотел помочь устроиться в этот институт, оказывал услуги тогдашней заведующей этого сектора, Г. М. Романенковой. Но, кроме того, А. Назимова сказала, что демография — очень интересная область и порекомендовала прочесть свежее вышедшую книгу в этой области — «Демографическую революцию» А. Г. Вишневого, что я и сделал. Дальше события развивались так: Г. М. Романенкова предложила начать работать в секторе на общественных началах, то есть бесплатно. Я посещал семинары, на которых выступали сотрудники сектора, а затем сам выступил с двумя докладами — и успешно — на тему демографической политики в странах Восточной Европы. После этого Г. М. Романенкова подала записку директору с просьбой принять меня на работу в качестве научно-технического сотрудника. Наш знакомый в институте поддержал эту просьбу. Узнав об этом, начальник отдела кадров сказала, намекнув на мою национальность: «Принять Француза — только через мой труп», на что знакомый ответил: «Ну что ж, будем принимать через ваш труп». Но всё кончилось мирно: и меня приняли, и начальник отдела кадров осталась в живых. Произошло это в 1978 году, за год до окончания срока, который я был обязан отработать по распределению. Это событие сыграло, как любят выражаться политики, судьбоносную роль во всей моей последующей жизни. Не говоря о знакомствах с массой интересных людей, одним из которых явился тогда будущий, а ныне бывший министр финансов А. Кудрин, вся моя профессиональная деятельность в последующие годы проистекала на основе знаний и фокуса интересов, приобретённых в ИСЭПе. И, конечно же, моя поездка в Америку для получения степени PhD стала возможной только благодаря устройству в ИСЭП. Более того, я думаю, что, не попади я в сектор демографии и трудовых ресурсов, это событие бы тоже не состоялось.

Это так, но, по-моему, еще в ИСЭП ты подготовил и защитил кандидатскую диссертацию. Так? Пожалуйста, напомни, в каком году это было и какую тему ты разрабатывал.

Как я говорил, в ИСЭПе я получил должность научно-технического сотрудника. В обязанности входило вычитывание материала, художественное стирание бритвой различных неправильностей в текстах. Смешно сегодня об этом вспоминать, имея компьютеры и Spellcheck. Завсектором Г. М. Романенкова по максимуму освободила меня от выполнения этих обязанностей с тем, чтобы я мог писать диссертацию. С защитами у нас были проблемы, и заведующая делала всё возможное, чтобы залатать эту брешь. Увы, я не оценил этой возможности, и сильно затянул написание работы. Связано это было, конечно же, с неорганизованностью и безответственностью, но в некоторой степени — и с перфекционизмом: я тратил месяцы на то, чтобы освоить всю литературу по какому-либо третьестепенному вопросу. Я защитил кандидатскую диссертацию лишь в 1988 году, через десять лет после прихода в ИСЭП.

Так как в последнем тогда не было Учёного Совета с правом присуждения степени, то защита происходила в Москве, в ИСИ (Институте социологических исследований), в Совете, руководимом известным демографом, профессором Л. Л. Рыбаковским.

Защита прошла очень успешно. В этом интервью я часто – и справедливо – говорю о своих многочисленных недостатках, мешавших мне в карьере, да и в жизни, и о своих несвершениях. Наверное, будет справедливо упомянуть и о каких-то своих удачах. Меня очень обрадовало, когда много лет спустя, в середине нулевых годов, когда я был на конференции в МГУ и встретил там Л. Л. Рыбаковского, то он меня узнал и сказал, что хорошо помнит мою защиту. Через несколько часов, после окончания очередной секции этой конференции, ко мне подошёл сотрудник Рыбаковского, молодой профессор Сергей Рязанцев (спустя несколько лет он стал член-корреспондентом Академии наук), и сказал: «Леонид Леонидович порекомендовал мне познакомиться с Вами и держаться Вас».

Тему диссертации предложила Г. М. Романенкова. По её мнению, следовало соединить вновь полученные мной знания по демографии с дисциплинами моего базового образования (финансово-экономического). В результате этого синтеза возникла эта тема – «Ресурсное обеспечение демографической политики». По мнению Романенковой, акцент в работе должен был быть сделан на возможности подключения региональных бюджетов и средств предприятий и организаций к финансированию мер федеральной демографической политики. Но я к этому добавил кое-что ещё.

В начале 80-х годов был осуществлён первый транш мер демографической политики, направленной на повышение рождаемости. Среди этих мер был частично оплачиваемый отпуск по уходу за ребёнком до достижения им одного года. Мне показалось, что объём реальных затрат на это неизвестен: во-первых, значительная часть выплат компенсируется тем, что дети матерей, сидящих дома, болеют меньше, и, следовательно, есть экономия на выплате больничных листов, а также, из-за частых болезней «недорабатывают»; во-вторых, неизвестно, какой процент женщин воспользуются этим отпуском, учитывая возможное нежелание женщин с высокой квалификацией и ориентацией на карьерный рост прерываться на этот срок. Так родилась идея проведения опроса, целью которого было выявить отношение молодых матерей к предлагаемым, а также, перспективным видам отпусков по уходу за ребёнком с целью учёта процентов потенциальных пользователей в прогнозе затрат. Так появилась ниточка, связавшая меня с социологией. Был проведён масштабный опрос будущих молодых матерей в женских консультациях г. Ленинграда, куда были обязаны показываться для обследования беременные женщины.

Проводимые исследования привели не только к написанию диссертации. Было сделано несколько публикаций – в виде статей, тезисов и глав в монографии. Также, было довольно много выступлений. В родном ИСЭПе – где после выступления на ежегодной сессии покойный профессор Марат Николаевич Межевич упомянул его в тамошней стенгазете, а покойный же профессор Агафонов вызвал на беседу с целью наметить пути сотрудничества. Были и выступления на школах молодых учёных. Последние оставили незабываемые впечатления на всю жизнь. Они проходили в наикрасивейших местах, среди которых хочу упомянуть Подмосковьё и Леилупе (Юрмала). Произошло знакомство с массой коллег из разных городов и весей страны.

И полученные результаты, и возникшие в голове проекты были положены в основу подачи моих работ на два конкурса: первый – конкурс молодых учёных ИСЭПа, где моя работа получила первое место; и второй, Всесоюзный конкурс моло-

дых учёных СССР, где моя работа заняла второе место. Об этом было написано в то время в газете «Смена» (1988 год). Но главное, условием этого конкурса было то, что успешным номинантам была обещана зарубежная стажировка по социологии. В то время это было эксклюзивом, и я был безмерно рад, когда корифеи социологии, присуждавшие места в конкурсе (среди них были ты, Ядов, не помню, кто третий, академик Заславская?), начали подбирать место для этой стажировки. Среди кандидатов на почётную роль принимать такого «высокого» гостя фигурировали Англия и США.

Ну что же, ИСЭП оказался в целом светлым пятном в твоей жизни, и Гортензию Михайловну Романенкову добрым словом вспомнил. И что, состоялась та поездка в Англию или в США? Или скажем так, как развивалась твоя жизнь после конкурсных успехов?

Вначале велись разговоры о двух-трёх месячной стажировке в Великобритании или США. Я был безмерно рад такой возможности, которая, как я говорил, в то время представлялась абсолютно эксклюзивной. Время шло, и эта возможность по разным причинам срывалась. Однако примерно год спустя произошли большие общественные изменения в жизни страны, которые напрямую повлияли на мою дальнейшую поездку. А именно: М. С. Горбачёв, отчаявшись поднять экономику с помощью самофинансирования и самокупаемости предприятий, пришёл к мысли о необходимости включить «общественный фактор». И тут до него дошло, что этим занимается социология, а у нас в СССР ей не учат. Тогда он призвал академика Т. И. Заславскую и попросил её прозондировать почву на предмет обучения отобранных советских аппликантов в американских университетах. И последняя справилась с этим заданием. После её обращения Американская Социологическая Ассоциация обратилась к американским университетам с просьбой принять советских аспирантов. Двадцать четыре университета согласились на это и, что очень важно, особенно в то время, когда рубль был неконвертируем, и у населения не лежали десятки тысяч долларов под подушкой, взять аппликантов на financial aid.

И я попал в эту первую обойму поступления и приёма в докторантуру американского университета. Была отобрана группа, в которую меня включили, и разрешили сдавать в американском посольстве в Москве экзамены на компьютере для этого поступления. Их было три: TOEFL, GRE and Subject Test. Проблемой было выбрать из этих 24 университетов три, куда IREX (International Exchange and Research Board) согласилась бесплатно рассылать результаты экзаменов (в большее количество университетов за рассылку результатов тестов надо было бы платить из своего кармана). При отборе этой «великолепной тройки» я руководствовался, главным образом, тем, чтобы в этих университетах была сильная программа по демографии. И, естественно, среди первых двух по этому критерию оказались Princeton и Brown. Что касается третьего, то он был своего рода запасным вариантом на случай провала на первые два (backup). Вместе с тем, я не хотел, чтобы это был захолустный университет и выбрал достаточно известный, занимающий по программе социологии 19 место, Университет Миннесоты (УМ). И этот план сработал. Первые два университета не приняли вообще никого, а УМ на меня клюнул. Позже, когда я туда приехал, мне объяснили, чем они руководствовались в своём решении. И, если это интересно, я могу об этом подробнее рассказать. Так или иначе, получив отличные рекомендации от жюри конкурса на лучшую социологическую программу и набрав необходимые баллы по сданным

экзаменам, я стал готовиться к отъезду в первую мою зарубежную командировку. До этого я не был ни в одной зарубежной стране, и поездка в капиталистический мир, особенно на докторскую программу, была очень необычной и волнующей.

Курировавшая всю эту эпопею (по словам Олега Божкова, «опупею») Наташа Нечаева говорила, что эта программа рассчитана на два года. Чёрта с два! По моим наблюдениям на открытом американском университетском воздухе, Graduate Program занимает 6–8 лет, а примерно у 50% в социологии вообще не защищает диссертацию, даже получив все кредиты за курсы. Так или иначе, в конце августа 1990 года я уехал в США в докторантуру Миннесотского Университета для получения степени PhD. И с этого момента начался огромный новый кусок жизни – профессиональной, мировоззренческой, финансовой, личной, какой угодно. По сути – новая жизнь. Впрочем, новая жизнь началась не только у меня, а у всей страны, из которой я уехал на стажировку, и которой не стало через год после моего отъезда (конечно, не по этой причине).

Да... помню то время, а ведь прошло более четверти века. Как ты входил в эту новую жизнь? По какому факультету, наверно, лучше сказать Department, ты начал обучение? Ты там придерживался стратегии «финека» или сразу понял, что она в Америке не проходит... работать надо ежедневно.

Вхождение в эту новую жизнь проходило с большим трудом. И долго. Имело это вхождение множество аспектов – культурный, образовательный, финансовый. И я рад буду о них поговорить более подробно по получении соответствующих вопросов. Здесь же хочу только сказать, что многие не понимают статуса, в котором я пребывал в США. В отличие от эмигрантов, которые имели право на любую работу, и нелегалов, не имеющих право ни на какую (они подрабатывают только за наличку, за cash), в соответствии с моей учебной визой (F-1) я мог работать только в университете, и только на полставки. Идея – в том, чтобы я мог мало-мальски обеспечить себя и при этом не перебегать дорогу на Job Market коренным жителям.

Собственно, в этом и заключалась Financial Aid. Каждый год во время обучения в докторантуре (Graduate School) каждый из нас получал полставки позиции Teaching Assistant. В его обязанности входило ассистирование профессору в проверке работ, проведение экзаменов и консультирование студентов. В последние годы обучения взамен стали давать также полставки, но уже преподавателя (Instructor). Помимо скудного заработка (\$900–1200) в месяц, эта работа давала т.н. Tuition Waiver, т.е. освобождение от платы за обучение автоматом. Это – экономия примерно 15–20 тысяч долларов, которых, впрочем, ни у кого из нас, неамериканских докторантов, не было. Каждый год в конце составлялся список тех, кто подпадал под это благо (Tuition Waiver). Чтобы в него попасть, надо было соответствовать многочисленным критериям: иметь определённый средний балл по пройденным курсам (GPA), брать не менее двух курсов (предметов) за семестр, иметь хорошую evaluation от профессора, которому ассистировал и ряд других. Понятно, что даже само освоение всех этих правил напрягало, не говоря уже о страшной возможности их невыполнения.

Естественно, я был принят на факультет социологии. А куда же ещё – после рекомендации Советской Социологической Ассоциации, победы на конкурсе социологических программ, и при том, что демография в США институционально принадлежит социологии (хотя это междисциплинарная наука). И принят был в докторантуру этого факультета, т.е. Graduate School.

Здесь, я думаю, самое время сказать о том, что составляет суть Graduate Program. Для получения степени PhD до защиты собственной диссертации, а точнее, до её трёх предзащит (Preliminary Oral Exam, Prospectus Hearing Written and Oral) требуется пройти немереное количество курсов, чтобы получить необходимое количество кредитов. Курсы бывают обязательные и elective. К первым относились Sociological Theory, Social Organization, Social Psychology and Sociological Methods. По комбинированным знаниям всех этих курсов на втором году проводился отборочный Integrative Qualify Exam. Затем надо было выбирать курсы в соответствии с более узким направлением, по которому появлялись намётки темы диссертации. Однако этот отбор также соответствовал определённым общим правилам: определённое число курсов должно было быть теоретико-методологическими, необходимое число – research oriented, должно было быть несколько т.н. «внешних курсов», т.е. взятых не на факультете социологии, а на других. Это курсы, которые связаны с пограничными дисциплинами, необходимыми для написания конкретной диссертации (например, в моём случае – написание работы по теме влияния социополитической нестабильности на рождаемость), я брал курсы на политологическом факультете, а также в Центре Общественных Проблем Г. Хэмфри.

Для того, чтобы получить кредит по каждому курсу, необходимо было, как правило, сдать курсовую работу, а также Midquarter Exam и Final Exam. Учитывая, что курса было два, и обязанностей Teaching Assistant'a (ТА) также отнимали время, энергию, то было весьма нелегко. К тому же, на меня навалились медицинские проблемы, а вместе с ними – и финансовые. Естественно, стратегия моего обучения и отношения к нему сильно отличалось от той, которая была в финеке. Частично это было связано с пониманием ценности образования в УМ, частично – с тем, что в Америке никакие связи (в отличие от того, что считают по этому поводу в России) не помогают вытянуть человека на степень, будь он хоть сын президента Трампа. По некоторым предметам меня выделяли профессора в лучшую сторону, например, по Социологической теории и Конструированию социальной теории, которую вёл, к сожалению, ныне покойный профессор Д. Куперман, ученик Г. Маркузе. Ряд предметов давался крайне тяжело – это, в основном, те, которые связаны с интенсивным использованием компьютера. Было несколько конфликтов с соответствующими профессорами, а один из них – даже с первым руководителем (Advisor) профессором Р. Кеннеди. Но конфликт с ним – не только по поводу проблем с компьютерными дисциплинами, но и по поводу мировоззренческо-поведенческих вопросов. Но, как бы то ни было, я получил необходимые кредиты, и перешёл к собственно написанию диссертации.

Да, пожалуйста, расскажи немного, как ты входил в американскую культуру, скорее – культуру американского студенчества.

По приезде я некоторое время жил в молодой русской семье, имевшей неосторожность меня приютить. Хозяин квартиры, Женя, поступил в Graduate School по социологии год назад, и успел немного обустроиться. Как и все, с кем я жил бок о бок, не могли долго этого выносить. И, по получении мной первой зарплаты за работу ТА, стали намекать о необходимости моего переезда в общежитие. Что я и сделал. Лист ожидания на одноместный номер очень долгий, и меня смогли сначала поселить в двухместный номер. Комната была очень маленькой и узкой. Удобств в ней не было. Но самое плохое было то, что у нас с моим roommate, молодым японцем по имени

Mottogi были разные представления о комфортной температуре: ему было всё время холодно, а мне – жарко. Возникали постоянные конфликты, пока между нами не было заключено российско-японское соглашение; согласно нему, ночью я открывал на несколько часов форточку, тем временем Mottogi забирался в спальный мешок, а днём я оставлял его на несколько часов в душевой комнате и занимался в библиотеке или в Lounge общежития. Тем не менее, конфликт вспыхнул с новой силой, и меня, слава богу, переселили в одноместный номер в другом корпусе. Это был также далеко не Версаль, но, конечно, лучше было одному, без экзотического соседа.

Во время пребывания в общежитии завязывались контакты со студентами, в подавляющем большинстве там жили не Graduate Students, а Undergraduates. Контакты эти были весьма поверхностными. Собирались вместе, шли в какое-нибудь кафе на West Bank, Mississippi, там часто играли менестрели и читали стихи авангардные поэты. Пили кофе, немного тусовались, потом обратно шли в общежитие. Один из наиболее памятных походов был в первые месяцы пребывания в Миннесоте. С концертом приехал Пол Саймон, бывший член легендарного дуэта Simon and Garfunkel. Тогда рок звёзды ещё не валили пачками в Россию и попасть на такой концерт было большим событием. Мы собрались с нашей группой из общежития на этот концерт, и после него у меня возник первый культурный мини-шок. Когда бываешь на концертах такого рода в России с друзьями, то после него все без умолку его обсуждают, не могут остановиться. Уже в нулевые годы, когда в Питер приехал Пол Маккартни, после похода на его концерт на Дворцовой Площади, мы поехали с друзьями на квартиру, музицировали до полуночи, вспоминали нашу юность, прошедшую под песни героя дня. Здесь же, после концерта Саймона все мы ехали в одном автобусе, никто не проронил ни слова о том, что он почувствовал. Закончился один бизнес – развлечение, и все поехали готовиться к другому – завтрашней учёбе.

К слову, другой мини-шок у меня случился уже на втором году. Мне предложили вести секцию на конференции по социальной истории в Новом Орлеане. Все, присутствующие там grade студенты, решили пойти пообедать в ресторан – благо там, в отличие от большей части Америки, отличная еда – морепродукты и всё такое. Когда был выставлен счёт, решили, что каждый будет платить за себя. Нормально. Но дальше возникла нешуточная дискуссия, как рассчитать tips (чаевые). То ли все должны платить вскладчину, поровну, то ли в процентном отношении к затраченным на собственные блюда средства. Что и говорить, задача методологически непростая – ведь платишь не за еду, а за обслуживание, но, с другой стороны, обслуживание разнится по типу и количеству блюд. Где-то через полчаса этой дискуссии меня начало подташнивать, и я вспомнил Россию-матушку. Мне казалось, что людям было бы легче здесь вложиться, чем торговаться по таким мелочам. Увы, сегодня, как мне кажется, многие в России уже в этом тренде.

Вернусь к университету. Среди graduate students отношения особо не сложились. И это довольно типично. Как говорил D.G.S. (директор Graduate Studies), между graduate students нет «цемента». Но есть очень значимые исключения. Моим близким другом стал докторант факультета географии Joe Gonzales, сын мексиканских эмигрантов. Он часто меня приглашал к себе, и его жена, филипинка, кормила меня вкусной, этнической пищей. Ещё один очень-очень близкий друг – Joel Pins. Он – биохимик, его узкая специальность – нутрицевтика. Он писал книгу «Руководство к долголетию», и, естественно, без социологии (образ жизни, самосохранительное поведение) не обойтись. И он ходил со мной на прослушивание одного социологиче-

ского курса (для него это — внешний курс), где мы и познакомились. На протяжении всех лет он оказывал мне колоссальную помощь бесчисленными советами, возможностью проживать в его доме и многим другим.

Наверное, к вопросу адаптации к студенческой жизни, можно отнести и возникающие личные отношения. И таковые у меня были — наиболее серьёзные с двумя девушками, обучавшимися в университете (разумеется, последовательно, а не одновременно). Одна — *undergrad*, а другая училась на PhD по культурологии.

Наконец, сложились дружеские отношения с некоторыми профессорами. Мои первый, второй и третий руководители, профессора R. Kennedy, D. Cooperman и J. Broadbent приглашали меня и других докторантов на различные празднования, например, Рождества и Дня Благодарения. В тех случаях, когда среди гостей были россияне, хозяйева всячески подчёркивали это. Так, на приёме у Кеннеди звучала музыка Чайковского, а жена Купермана сподобилась приготовить голубцы и гречневую кашу.

Также, приятельские отношения сложились у меня ещё с одним профессором факультета, Стивеном Спитцером. Последний занимался визуальной социологией и получил грант на несколько лет по изучению Graffiti на еврейском кладбище в Кингстоне, столице Ямайки. Он уезжал туда с декабря по март и во время вьюжных миннесотских зим в университете спрашивали: «Где Стивен?» и ответом было: «Оу, он, бедный, вкалывает, в суровых ямайских условиях отрабатывает свой грант». Однажды он взял меня туда на зимние каникулы, и что было в этом событии примечательного, что, обросший там связями Стив, смог меня пристроить не только в гостиницу, но и пожить в доме аборигена — натурального растафариенца. И я смог почувствовать ту жизнь изнутри, а не только из окна коммерциализованного отеля. Пил ром, ел этническую пищу, пел с гостями и хозяевами регги-песни.

Так, в культурную жизнь Америки ты постепенно входил, она раскрывалась тебе с разных сторон. А что с собственно с PhD: выбором темы, освоением литературы, подготовкой эссе?

Удивительно, но алгоритм выбора темы PhD диссертации во многом совпал с логикой нахождения темы кандидатской в России. Во-первых, руководители моей работы также инициировали направление исследований, а во-вторых, в основу был положен синтез знаний: старого *background*'а и вновь приобретённых. В первые годы обучения в докторантуре Миннесотского университета я очень заинтересовался социологической теорией и конструированием социальной теории (Theory Construction); несколько позже меня также увлекла политическая социология. И я было думал оставить демографию и отдастся новым увлечениям. Но профессор Р. Аминзаде, у которого я брал курс по политической социологии и который в то время был DGS (Director of Graduate Studies), посоветовал не выкидывать на свалку мой «демографический» багаж. А каким-то образом, возможно, связать его с теорией и/или с политической социологией. Поначалу, в процессе изучения теории демографического развития, я нащупал такую связь: решил проанализировать эти теории с точки зрения правильности их конструирования и связи с существующими социологическими теориями. Частично эта тематика вошла в мою диссертацию, но во вспомогательном виде. Материала, впрочем, набралось по этой теме много, и в моих планах издать соответствующую монографию.

Впоследствии, когда я решил включить политическую социологию и заняться изучением влияния социополитической нестабильности на демографическое поведение, мой новый Co-advisor Росс Макмиллан предложил мне прочесть работу «Теория снижения неопределённости» и использовать её в качестве объяснительной модели влияния социополитической нестабильности на рождаемость. Это очень интересная и достаточно контринтуитивная работа, в которой утверждается, что человек всегда стремится снизить неопределённость и привести её даже в риск (в последнем известны вероятности). Одним из таких компенсаторных видов поведения для снижения определённости является увеличение рождаемости, ибо наличие детей с высокой вероятностью предполагает вовлечение родителей в длительное взаимодействие и расходы на потомство. К слову, в некоторых случаях находили подтверждение этой теории, например, только с её позиции смогли объяснить парадоксальное повышение рождаемости в Нью-Йорке после взрывов башен-близнецов. Причём, больше всего в тех районах города, откуда эта атака была видна.

Поскольку, диссертационное исследование было решено делать на основе российского материала, я использовал две политические теории, посвящённые нестабильности в СССР (в меньшей степени – в России 90-х годов). Первая теория Ф. Родера о т.н. «Взаимной подотчётности», в которой обозначались периоды нестабильности, связанные с борьбой различных политических сил за коллективное и единоличное руководство. Вторая – теория Л. Кук, в которой говорится о размывании «социального контракта», апофеозом которого была миллионная стачка шахтёров в 90-м году, требовавших смены политического режима. Эти теории дали возможность проранжировать различные виды нестабильности по их силе и интенсивности, и потом протестировать гипотезы об увеличении рождаемости в периоды с наиболее сильной социополитической нестабильностью. Для эмпирического тестирования тот же профессор Р. Макмиллан предложил использовать изошрённую статистическую модель Age – Period – Cohort (APC). С её помощью удалось выявить в чистом виде влияние событий, происходивших в конкретные периоды и проконтролировать не относящиеся к моей теме воздействия на рождаемость изменения возрастных структур и различий в установках разных когорт.

Конечно, в выборе такой темы было достаточно много рисков. Стопроцентно доказать постулаты такой теории трудно, чтобы не сказать невозможно. И я сильно сомневался в возможности написания такой работы, а в процессе написания – в правильности и доказательности применяемых подходов. И интересно, что профессора, будучи чрезвычайно тщательными и пунктуальными во всех своих писаниях, в преклонении перед Хай Сквер (Chi-Square), целиком поддержали эту тему. «Противоречивые толкования, – говорил первый руководитель Р. Кеннеди, это – nature of the game”. Р. Макмиллан мне приводил в пример знаменитого Р. Истерлина. Его гипотезы, говорил он, не оправдались на тридцать процентов. И он извинился и пересмотрел некоторые свои положения, но к этому времени он уже был и профессором престижного Пенсильванского Университета и директором бюро переписей. Стань кем-нибудь подобным и потом уточняй свои положения.

И то правда. В процессе переписки с одним из авторов теории снижения неопределённости, профессором С. Каназавой, последний сказал мне, что утратил веру в своё же творение. Но к этому времени он был профессором LSE (London School of Economics), и не удивительно: статья, в которой он был соавтором – рекордсмен по цитируемости в социологии – около 250 citations.

Юра, все, о чем ты написал, скорее всего, происходило в середине 1990-х. Так? Докторскую ты защитил совсем недавно, с чем я снова рад тебя поздравить. В чем дело, почему на подготовку твоего диссертационного исследования и на организацию защиты потребовалось свыше 20 лет (если я ошибаюсь, пожалуйста, уточни)?

В основном это правильно. Как я уже говорил, с учётом всех необходимых кредитов и трёх видов предзащит, всё пребывание в graduate school занимает 6–8 лет. И большая часть той половины докторантов, которой удаётся написать и довести до защиты диссертацию, укладываются к концу этого срока.

Моя ситуация сложилась достаточно необычным и непростым образом, что на разных этапах обучения привело к сильным задержкам. Прежде всего, я столкнулся с очень тяжёлыми проблемами, связанными с неудачно проведённой стоматологической работой в Питере. Не вдаваясь в подробности, я мучился с некачественной пломбировкой и плохо поставленными зубными протезами. И это вызывало не только физические страдания, но и приводило к существенному опустошению кармана. Любой поход к американскому стоматологу выливался в выплату крупной суммы. А, как я говорил, право на работу вне университета не имел, да и в нём мог только работать на полставки. Взять страховку я не мог, так как на неё имели право только те, кто имел полную занятость, но и она бы меня не спасла, ибо не покрывала т.н. preexistent condition – а это был мой случай, меня искалечили наши дантисты до обращения к американским. Как только возможно, я пытался дотянуть до лета, когда я уезжал в Россию на пару месяцев и пытался сделать dental work за более доступную цену. Но это привело к ещё большим проблемам. Потеряв последние зубы, я попытался сделать в России относительно дешёвую имплантацию. Её сделали плохо, внесли воспаление, и у меня начался остомелит. В течение двух с половиной лет я беспрерывно мучился от боли в тройничном нерве – абсолютно непереносимой. В Америке мне делали несколько операций по удалению костной ткани, а также на тройничном нерве. Также я обращался в многочисленные клиники по управлению болью. Меня сажали на нейролептики и антидепрессанты. Но боль не уходила, зато уходили десятки тысяч долларов. И я принял вынужденное решение продать питерскую квартиру. Это было в 90-е годы. Я выручил несколько десятков тысяч, не представляя, что через 10 лет стоимость такой квартиры возрастет буквально в десятки раз.

Эти проблемы не только отсрочили мою защиту непосредственно, но и рикошетом вызвали также и другие, добавившие к этой затылке. Так, например, приняв решение продать квартиру, я приехал в Россию и пропустил два семестра в связи с проблемой продажи. Вернувшись, узнал, что мой первый руководитель, профессор Кеннеди, уходит на пенсию. Моим новым руководителем предложил стать уже упоминавшийся мною, профессор Д. Куперман. Увы, ещё до этого предложения у него обнаружили рак мозга, и примерно через год его не стало. Поиск нового руководителя – это не только время на собственно поиск, но и новая переработка диссертации, ибо у каждого из них – своё видение.

Несмотря на все эти трудности, мне удалось получить все кредиты и пройти предзащиты (Preliminary Oral Exam, Written Prospectus and Oral Prospectus Hearing) к началу нулевых годов. Я стал т.н. ABD (All But Dissertation). Кроме того, по уже написанной части диссертации я смог защититься и получить степень MA (магистр). Это дало мне возможность в течение года работать где угодно по специальности (по т.н. OPT визе – Optional Practical Training), и за это время я планировал развить мою диссертацию уже для защиты и получения PhD степени. Мне удалось поработать

несколько месяцев в двух местах: аналитиком в НКО «Красный лист», где я писал демографические прогнозы, и преподавателем в Миннесотском международном университете искусств. После этого я на несколько месяцев решил уехать в Россию — и для сбора новых данных, и для решения некоторых денежных вопросов, и для того, чтобы повидаться с оставшимися друзьями и родными.

Хорошей новостью этой поездки было то, что все три пункта состоялись, и, кроме того, питерский остеопат сделал то, что не удавалось сделать ни одному врачу ни в США, ни в России — за 12 сеансов он полностью снял боль в тройничном нерве. Но также произошло и непредвиденное событие, которое привело к самой большой затяжке моей защиты. В 2001 году произошёл взрыв Башен — Близнецов, и под эту лавочку питерский консул отказал мне во въездной визе. Хотя у меня ещё не истекла действующая виза ОРТ. Но вскоре и она истекла, и в течение многих лет я был лишён возможности посетить США. Мой со-руководитель Р. Макмиллан предложил мне присылать ему новые версии диссертации по почте. Но он действовал в соответствии с известной поговоркой «Out of sight, out of mind». Он буквально годами подбирался к каждому новому параграфу, а потом и совсем пропал на годы. И, когда я увидел его после открытия вновь американской въездной визы (в чём мне помог бывший сенатор штата Миннесота, к слову, иммигрант из Германии, Руди Бошвиц, с которым я познакомился в этом штате), то обнаружил, что Росс (Макмиллан) не смог прочесть моего последнего куска в течение полутора (!) лет. И сделал он это только в моём присутствии. Впрочем, он скоро тоже ушёл из университета — его пригласили профессором в знаменитый университет Боккони в Италии. И мне пришлось заполнять комитет по защите новой вакансией. Естественно, у этого нового члена, профессора Э. Майер, появилось своё видение эмпирической части работы, потребовавшее новой и глубокой переработки. Вот так и произошла последняя, самая непредвиденная и долгая отсрочка моей защиты.

Здесь я хочу немного пофилософствовать об этой неординарной ситуации. Во многом я вижу здесь свою вину, как-то неприспособленность к жизни, неумение просчитывать наперёд и многое другое. Но меня невероятно удивило и удивляет, что среди многочисленных друзей и знакомых никто не смог (а может, и не захотел) въехать в эту ситуацию. За одним исключением — упоминавшийся мною Джоэл Пинс. В его рассуждениях и вопросах всегда была видна способность разобраться во всех деталях ситуации, и он давал мне всегда безупречные и точные советы (увы, я не всегда своевременно им следовал).

В разговорах со всеми другими на эти злободневные и актуальные темы у меня всегда было ощущение, что мы живём на разных планетах. Ну, например, у меня есть великолепно относящаяся ко мне знакомая в Питере (сейчас живёт в Пенсильвании), которая на пятом году узнала о моей ситуации, сказала: «Устройся в США на какую-то работу». И когда я сказал, что моя виза этого не позволяет, она искренне удивилась: «У тебя нет green-card? (вида на жительство). А вот у меня уехал знакомый и на третьем году получил». То, что мы уехали по разным основаниям (знакомый — в иммиграцию, я — на учёбу), для неё — второстепенная деталь. Или, например, ряд моих друзей, когда я приехал в начале нулевых годов в Россию, удивились: «Как, ты не остался в Америке?». А в качестве кого я могу там остаться (даже, если смогу в рамках моей визы), не получив степени PhD? А это и неважно, ведь главное — можно остаться. Очень логично — человек еврейской национальности, имеющий право на эмиграцию, решил это сделать оригинальным способом: выиграть конкурсы, сдать

экзамены, поучиться в докторантуре и, не доучившись, остаться в том же качестве, что и эмигрант. Скорее всего, свинопасом, ибо я знаю только один случай, когда российская степень в моей области давала возможность устроиться в университет, это — Шляпентох. Ну, а все типичные мысли и дилеммы тех, кто получил степень — идти ли на tenure track, или в research фирму (в первом случае больше стабильности и самостоятельности, т.к. tenure — это пожизненная позиция, во втором — больше денег), или же, teaching university vs. research university (в первом — нет такого прессинга, необходимости публиковаться в престижных журналах, зато гораздо больше преподавательской нагрузки) — это что-то из потусторонней жизни. Единственное, что интересует людей — сама возможность остаться на вожделенном Западе, в любом качестве.

И этот поток непонимания продолжался до защиты. Например, другая моя хорошая знакомая в Питере, очень опытный и классный адвокат, сказала мне, когда я на длительное время остался в России: «А почему б тебе не вернуться в США? Ведь ты ж там работал, преподавал, иди обратно в университет Миннесоты». Не понимая, что моё преподавание, как я писал выше, было лишь Fellowship, средством не платить за обучение, даваемое только на время учёбы. А отец этой женщины, крупнейший адвокат Питера, а возможно и всей России, интересуясь моими планами, спросил: «А где же ты будешь защищаться — в России или в США?». Я этого не сказал, но в голове мой ответ вполне сложился и звучал так — конечно же, в России. Только ради этого надо было обучаться в Соединённых Штатах, проходить курсы, которые никого в России не интересуют, и так далее. В общем, путь к защите в России лежит через докторантуру в США, а наилучший полёт из Питера в Москву пролегает через Владивосток. Я сказал это более нейтрально, и у адвоката, который разбирался в наитончайших нюансах сложнейших юридических дел, возникло выражение, говорившее о том, что он услышал что-то инопланетное.

Как Вы видите, никому, кроме Джоэла, не удалось собрать все компоненты моей не такой уж, по-моему, эксклюзивной жизни — визовой статус, варианты карьеры, характер PhD программы и ряд других — в единый пазл. А почему? У меня нет ответа. И, если вы позволите, как делают это иногда респонденты, переадресую его интервьюеру. И «на ход ноги» этой моей филиппики последняя серия вопросов, прозвучавшая уже перед защитой (среди профессионалов, «доцентов с кандидатами!»): “На каком языке ты будешь защищаться?” И здесь я уже ответил прямо: “В Америке учится много иностранцев — китайцев, тайцев, индусов, корейцев, россиян и много кого других. Почему бы профессорам не устроить небольшой warm-up, чтобы они выучили языки своих advisees? И профессорам польза, и докторантам легче.”

Юра, в начале ноября 2017 года я получил от тебя мейл: “Dear Boris! I’ve just defended my PhD thesis via SKYPE at the University of Minnesota and happy to take a breath for resuming our in-depth interview with me project. Please advice. Best, Yuri Frantsuz.” Теперь, пожалуйста, поподробнее: название работы, что удалось доказать, как проходила защита по Скайпу...

Название работы — «Влияние социополитической нестабильности на демографическое поведение (СССР/Россия:кейс-стади)». О сути этой работы я говорил выше, рассказывая об истории этого исследования. Влияние первого вида нестабильности на рождаемость не подтвердилось. А воздействие эрозии и слома «социального контракта», скорее всего, имело место. По крайней мере, ряд прежде необъяснимых демографических феноменов, например, неожиданный и кратковременный взлёт

рождаемости в 1987 году ничем другим объяснить невозможно. В моей работе я привожу доводы против некоторых других (помимо реакции на неопределённость) объяснений. Например, началом антиалкогольной кампании Горбачёва. И остаётся лишь одно наиболее вероятное объяснение — исходящее из описанной мною выше теории снижения неопределённости (эрозия «социального контракта» — это, конечно же, увеличение такой неопределённости).

Надо сказать, что я не первый, кто прибегает к объяснениям этой теории, когда другие интерпретации неубедительны. Например, известные профессора Пенсильванского Университета Ганс Петер и Элен Колеры также обратились к этой теории, когда обнаружили удивительный и труднообъяснимый парадокс. В 1990-е годы по мере возрастания инфляции, снижения заработной платы и увеличение безработицы, рождаемость, как свидетельствуют макро-показатели, резко падала. Однако данные микро-обследования, проведённые Колерами, показывают, что в наиболее депривированных группах (те, у кого зарплата больше всего снизилась или безработных с большим стажем) рождаемость несколько возросла. И, как я сказал выше, не найдя этому феномену никакого другого объяснения, учёные сослались на положения теории снижения неопределённости, как наиболее подходящие для данного случая.

Защита диссертации осуществлялась по Скайпу. Как я говорил выше, я нахожусь в России и, очевидно, университет, приняв мою работу к защите, не захотел связываться с канцеляритом, учитывая закидоны Трампа по поводу въездных и иммиграционных вопросов. Было принято решение о защите по Скайпу. С одной стороны, это означало экономию, и усилий, и денег на проезд. С другой — дополнительные трудности и вызовы. Прежде всего, живой контакт всегда предпочтительнее. По-моему, я говорил выше, что степень в американских университетах присуждает т.н. комитет по защите. Он состоит из четырёх человек. Трое из них в момент моей защиты были в Миннесоте, а четвёртый член комитета — на “sabbatical” в Монголии (“sabbatical” — это такой институт, дающий право профессору раз в семь лет проводить один год там и так, как он хочет, и с частичной оплатой — обычно профессора пользуются этим для свои исследований или повышения квалификаций в других университетах, иногда в других странах). Это создавало дополнительные трудности, т.к. связь Монголии с другим миром периодически прерывалась. И, когда этот профессор (Энн Майер) задавала вопросы, и я не мог их разобрать, то очень боялся, что она решит, что я уваливаю от ответа.

Регламент защиты таков: полчаса моё выступление, затем вопросы, как членов комитета, так и любых желающих присоединиться в рамках «public defense». Это длилось примерно час. Затем следует продолжение в виде «закрытой защиты», когда я остаюсь один на один с членами комитета, и они продолжают прицельно меня спрашивать. Ещё примерно минут 40. Тогда меня отключают от связи и члены комитета удаляются — сначала на голосование без обсуждения, каждый голосует сам, по своему разумению, потом они обсуждают, полученный результат, и переголосовывают уже с учётом обсуждения. После этого меня снова подключают к Скайпу и они объявляют словами председателя этого комитета (это, кстати, не руководитель, не хотят слишком много власти делегировать одному человеку) о результатах. Председатель, профессор И. Сэвелсберг, ударился в историю и сказал, что во время моего обучения у меня были

ухабы (bumps) – ещё очень мягко сказано. Но отдал должное моей настойчивости, новаторскому характеру исследования и, как он выразился, «excellent communication skills». Пожелал мне удачи от имени всего комитета.

Юра, спасибо за искренность, за столь полное описание пройденного пути... Хочется думать, что твой текст для многих окажется полезным... но мой вопрос – почти очевидный. Итак, задумал – пропустим на секунду многие годы – сделал. Что ты планируешь на ближайшее время? Я не знаю, как оценивается PhD в России... докторов с американскими и европейскими степенями в России – немало, но каков статус PhD? Какие у тебя планы на ближайшие годы, принимая во внимание кардинальное ухудшение отношений между Россией и США, закрытие американского консульства в Петербурге и прочее?

Насчёт полного описания – это большое преувеличение. Я описал только малую толику всего пережитого и пройденного. И не только трудных и мучительных моментов, но и огромного количества полезных и приятных. Например, интересных встреч, профессиональных и неформальных, огромные впечатления от контактов в различных странах Европы, России, США и от самих этих мест. Что касается будущих планов... Меня спрашивают часто, собираюсь ли я оставаться в России или уезжать в США. Я немного удивляюсь даже такой постановке вопроса. Мне кажется, сегодня это понятие – уехал, т.е. эмигрировал, или остался, т.е. закрылся, весьма устарели. Особенно в науке и образовании, где существуют возможности чтения онлайн курсов, и дистанционное управление исследованиями, и работа по исследовательским грантам, полученным в институции одной страны для работы в другой.

Такой международный статус, конечно, существует не у всех, но всё же у достаточно большого числа представителей науки и образования, в т.ч. социологии. Недавно, например, я подавал заявку на двухгодичную работу в известном институте Макса Планка в Ростоке (Германия). Открыв CV директора этого института, увидел, что последний – финн, получивший PhD в Пенсильванском университете, являющийся также профессором университетов в Хельсинки и Лондоне, также работавший по нескольким грантам в США. Как можно назвать страну пребывания такого человека? Германия, США, Финляндия или Великобритания (уверен, что это не полный список мест, где он периодически живёт и работает)? Мне кажется, страна таких людей – это Академия International. В этой стране я бы тоже очень хотел обосноваться. Разумеется, и Россия и США – составные регионы этой мегастраны.

В какой-то небольшой степени я уже немного живу подобной жизнью. Например, несколько лет назад я подал заявку на грант в Центрально-Европейский университет в Будапеште (Венгрия), тот самый, на который сейчас наезжает г-н Орбан. Мне повезло – грант получили 5 аппликантов из СНГ и Восточной Европы из 80 подавших заявки, я оказался в их числе. Цель исследования – изучение и формирование критического мышления у студентов, обучающихся гуманитарным наукам. Отрабатывал я этот грант в Санкт-Петербургском Гуманитарном Университете, а о результатах докладывал на конференции Американской Социологической Ассоциации в Лас-Вегасе (вспоминаю эти места с содроганием, глядя на страшный расстрел мирных людей маньяком как раз на Лас-Вегас бульваре). Сейчас у тех грантодателей, пред которыми я отчитался за проведённую работу, беру рекомендации для присуждения награды Американской Социологической Ассоциации.

Другой пример. Санкт-Петербургский Гуманитарный Университет (СПбГУП) заключил договор о сотрудничестве с Университетом Хьюстона (Техас). В рамках этого договора я разработал курс для студентов УХ, который читаю онлайн. За это наши студенты имеют право подключаться к курсу гораздо более известного специалиста в УХ, Р. Гирина, который ранее был профессором Колумбийского Университета. Эту запись в моём CV увидели в Вышке (ВШЭ) и предложили разработать курс на английском языке, который я там и прочёл. Этот курс (в соавторстве) получил премию, и это, конечно, сильный credential для подачи заявки на работу или грант в американский или европейский университет.

Но всё же, наверное, основным работодателем я хотел бы иметь Университет США или Европы. В США существует очень развитая и меритократическая система академической карьеры, предоставляющая колоссальные возможности для самореализации. Подробно это попытался описать в статье «Академическая карьера в США» («Телескоп», 2005 год, №7, стр. 39–44). Наука и образование в России сегодня сильно опущены, и это влияет не только на зарплату, но и на атмосферу в них. При всём огромном уважении к представителям социологической науки в России. Но речь идёт, конечно, не о том, чтобы уехать или, как, тут любят говорить, «свалить» или «зацепиться» в западном мире «ваще», а заниматься, по возможности, наукой и образованием. Не исключено, также и в исследовательской или кансалтинговой фирме.

Что касается ухудшения отношений с США, я, честно говоря, не особо вижу, как это может повлиять на мои планы. В университеты, как набирали при разрядке напряжённости, так и набирают при самых плохих отношениях, даже из стран — изгоев, таких, например, как Иран. Правительство крайне слабо может повлиять на политику достаточно независимых академических образований. Другое дело, общая политика Трампа в области эмиграции может косвенно повлиять на возможность получения рабочей визы, необходимой для работы не резидентов США (Трамп ратует за сокращение годового лимита на эти визы независимо от страны). Это, конечно, проблема, но не думаю, что неразрешимая. С другой стороны, ухудшение отношений между Россией и США способствовало увеличению затухающего интереса студентов-славистов к России. В прошлом году я выступал на Фишер-форуме в Университете Урбана-Шампейн под Чикаго. Этот форум собрал специалистов по России и СНГ, и все отмечали возрастающий интерес студентов к политической культуре современной России. И это, конечно, способствует возрастанию потребностей в соответствующих специалистах. Это, безусловно, не компенсирует общую тревогу по поводу качества отношений между нашими странами.

Юра, большое спасибо, в опоре на собственный опыт ты изложил пока редкую для российской социологии модель организации работы. Выше ты отметил, что хотел бы вспомнить и рассказать о своих интересных встречах, профессиональных и неформальных, о впечатлениях от контактов в различных странах Европы, России, США и от самих этих мест. Пожалуйста, поделись этой частью твоего жизненного и профессионального опыта.

Насчёт мест — вряд ли это будет откровением, так как уверен, что читатели побывали в гораздо большем их количестве. Но какими-то личными впечатлениями постараюсь поделиться. Как я уже говорил, значительную часть последних лет я провёл в России, сначала приезжая на длительные каникулы из Америки, а затем просто работая и выезжая на конференции. И, конечно, во время этих поездок были места,

которые меня потрясли, например, Суздаль и Руза (Подмосковье). Вообще, российская природа в среднем мной более любима, чем американская. Хотя, в Америке я не видел многих красивейших мест, как то: Ниагарский водопад, Гранд Каньон и самых красивых островов на Гавайях — был только на наименее привлекательном, Оаху. Но, конечно же, самым любимым местом на все времена является родное Комарово. Я говорю о старом Комарово, которого почти уже и нет. Огромную часть времени я проводил в этом посёлке на базе дома легендарного композитора Соловьёва-Седова. Им владел его внук, сосед по моей даче, который устраивал там великолепные приёмы, где бывали интереснейшие люди, всех не перечислить. Некоторые знаменитые и именитые, многие нет, но всё равно близкие по духу и образу жизни. Дни в летние каникулы на этой даче проходили примерно так: утром — завтрак с коньяком, поездка на озеро, обед с парой стопок водки, дневной сон, сиеста, затем литературный или музыкальный вечер, тоже не без возлияний, потом ещё кое-какие приятные развлечения. И так каждый день. Я всегда привозил на каникулы чемодан с книгами, но он всегда оставался не-распакованным.

Увы, и дома этого уже нет и весь посёлок сильно подпорчен. На месте деревянного зодчества возникли пустые и мертвящие коробки, и люди в них вселившиеся — под стать: новорусские и прочие новая «элита», отгородившаяся от нормального общения высокими бетонными заборами. Всё это — большая и непреходящая боль...

В Америке многие пейзажи показались весьма унылыми. Проезжая страну вдоль и поперёк на автобусе, видишь однообразные, покрашенные в белый больничный цвет домики и цилиндрической формы зернохранилища. Но, есть и любимые места. Прежде всего — Нью-Йорк и Лос-Анджелес. Я думаю, частично эта любовь объясняется культурными ассоциациями. Проходя, например, в Нью-Йорке мимо Билтмор Отеля или Радио-Сити, невольно вспоминаешь Холдена Колфилда из произведения «Над пропастью во ржи». А, любясь сумасшедшими закатами в Южной Калифорнии, в голову лезет строчка Джимма Моррисона «Fantastic LA». В Европе очень люблю бывать в Будапеште, Барселоне, Вене и Париже. Лондон как-то не впечатлил, правда, был там короткое время. Очень впечатлили руины цивилизации Майя в Чечен — Итце в Мексике.

Все эти пребывания и сопутствующие им встречи, конечно же, сильно обогатили культурный багаж. Во время приёма в районе Марэ в Париже одним бизнесменом, последний угостил меня чаем, рядом с которым поставил сыр и пирожные. Увидев, что я беру птифур, запивая чаем, спросил: «Вы куда-то спешите? Если нет, оставьте на десерт». Забавный случай произошёл во время пребывания на Ямайке. В канун Нового Года я отправился на телефонную станцию поздравлять родственников и друзей. Эта была такая допотопная станция, с соединяющей телефонисткой, какие были в Крыму в 70-е годы прошлого века. После разговора я хотел оплатить счёт кредитной картой, но они их не принимали. Налички не было, и я предложил сходить в банк. Но меня не отпустили и предложили двух провожатых, которые отследят за моим возвращением на эту станцию из банка. Всё окей. Но провожатые сказали, что они пойдут, если только я им оплачу за собственные проводы. А, если они не пойдут со мной, то меня препроводят в полицию. Естественно, пришлось заплатить.

Очень интересная встреча, в профессиональном плане, произошла в Будапеште во время стажировки. Один из получателей гранта был профессор Ярославского университета, историк Андрей Соколов. Он был постмодернистом и утверждал, что никакой объективной социальной реальности нет. Есть только социальные кон-

структы, которые говорят не о реальных событиях, а о духе той эпохи, в которой эти конструкты создаются. Я спросил Андрея: «А как же проигрыш Наполеона в войне 12 года? Разве это не исторический факт?» и он ответил: «Вовсе нет. Да, Наполеона разгромили, но ведь он нёс в европейские страны свой кодекс, в который входила отмена крепостного права. И эта война разбудила декабристов, восстание которых и спровоцировало последующую отмену крепостного права в России. Так что можно говорить о победе Наполеона в идейном плане».

Большое впечатление на меня произвёл уже упоминавшийся один из моих руководителей профессор Д. Куперман. Он выучил 6 языков, только чтобы читать в подлиннике Руссо, Ницше и Маккиавели.

Не могу не упомянуть об интереснейших встречах в рамках культурной программы Гуманитарного Университета, в котором я преподаю. На ежегодных Лихачёвских чтениях удалось заслушать множество ярких докладов видных политиков, учёных, адвокатов, общественных деятелей и деятелей культуры. Назову лишь несколько фамилий выступавших на специальных встречах с преподавателями и студентами – Евгений Примаков, Андрей Кончаловский, Михаил Федотов, Олег Басилашвили, Венедиктов.

Также, было много интересных встреч в Миннесоте. Большая их часть проходила в Центре Общественной Деятельности им. Г. Хэмфри при Университете Миннесоты. Там выступало большое количество политиков и общественных деятелей, в т.ч. Эдвард Кеннеди, Юджин Маккарти, Джордж Макговерн и Уолтер Мондейл. Во время предвыборной кампании мне удалось побывать на встрече с тогдашним президентом Биллом Клинтонем. Последний – прекрасный оратор и коммуникатор, он буквально покорила присутствующих в зале.

Как я упоминал ранее в интервью, большую часть моих интересов и жизни составляет музыка. Хотя я и не сделал её своей профессией. За эти годы мне удалось выступить в том же Гуманитарном Университете – здесь потрясающий рояль с подзвучкой. Также выступал в Америке – на университетских вечерах вместе с местными музыкантами и на специальном благотворительном вечере, посвящённом предотвращению самоубийств (“Suicide Prevention Show”). Соответствующий фонд основал отец одного из студентов, покончившего с собой.

Как я говорил ранее, я не имел права в Америке официально работать вне стен университета. Но подрабатывать за наличку я мог, и с этой целью играл в кафе в университетском городке и в ресторане в uptown’е. Лафа в университетском кафе, где бесплатно кормили, а также, благодарные зрители платили иногда щедрые чаевые, вскоре закончилась. К хозяину кафе пришли представители ASKAP (агенство по защите авторских прав). Они потребовали от хозяина платить роялти за исполнение авторизованных песен, а я исполнял именно их. Бедные Маккартни, Билли Джоэл, Элтон Джон – что они будут делать, если их песни будут играть на халяву. И хозяин сказал, что, если у меня нет своего репертуара, придётся оставить мою игру – он не может платить такие большие отступные.

В кафе в uptown’е произошло следующее. Мне оставил карточку владелец музыкального магазина... и просил зайти через неделю. Он сказал, что заснял моё выступление и отослал его своему брату, который ко-продюсирует новый альбом знаменитых Rolling Stones. И брат, показав это видео группе, получил предложение от Кита Ричардса поучаствовать в записи этого диска. Мне оплатили перелёт в Лос-Анджелес, где в студии эта группа писала свой альбом. И я сделал пару фортепиан-

ных проигрышей в трёх песнях. Интересно, как меняется с возрастом отношение к таким событиям. В своей первой молодости я бы, наверное, полжизни отдал, чтобы подышать одним воздухом со своими кумирами. А в тот момент, да, конечно, присутствовало ощущение, что ты рядом с великой группой. Было, конечно, интересно участвовать в проекте, даже в такой минимальной форме, в творческом плане. Но присутствовали и другие аспекты. Например, меня поразило, что кумир целого поколения, Мик Джаггер, иногда не попадал в тональность. И на меня произвело депрессивное впечатление, что Рон Вуд, только после 10 лет пребывания в группе, стал получать роялти (авторский гонорар). Не говоря уже о том мизере, который получил я. И ещё раз я пришёл к выводу о правильности своего выбора профессии и хобби. Одно дело — музыка, она всегда остаётся с тобой. А другое — шоу-бизнес с его притворством, лицемерием и жёсткой делёжкой пирога.

Один раз была у меня удивительная поездка в Америку. Во время этой поездки я должен был посетить: Миннеаполис — по диссертационным делам, Новый Орлеан — для выступления на конференции и Хьюстон — для заключения договора о сотрудничестве. Поездка была очень памятной, но не только в профессиональном плане. Билет на самолёт я взял компании Финэйр, которая летит из Хельсинки в Нью-Йорк. Мы прибыли на час позже, я еле-еле успел добраться до самолёта, который должен был лететь в Новый Орлеан. Те, кто знает JFK airport, понимает, какой это ужас — пересаживаться там на самолёты другой компании. Тут тебе и поездки на электропоездах, и получасовые переходы в другие залы, и небольшие прогулки по лётному полю. Но, попав в самолёт и переведя дух, я столкнулся с новыми испытаниями. На Нью-Йорк обрушился шторм, и самолёт не мог взлететь из-за сильного ветра. Он подруливал то к одной башне, то к другой, надеясь поймать нужное направление ветра. Но каждый раз во время подлёта к очередной башне ветер менял направление. И так продолжалось 5 (!) часов. Наконец, объявили о готовности к взлёту. Поскольку за окном бушевал шторм, я спросил у стюардессы: «Не опасно ли лететь в такую погоду?». Она утешила: «Мой отец погиб в авиакатастрофе и, если бы я беспокоилась за безопасность полётов, то не стала бы работать в авиакомпании».

Прилетели мы с божьей помощью в Новый Орлеан уже поздней ночью. В отель пришлось добираться на такси, рано утром собрался на доклад в зал заседаний. Через два дня сел в автобус, чтобы добраться до Хьюстона. И тут пошёл тропический ливень, и поездка отложилась на полтора часа. Хорошо, что водитель не сказала, чтобы я не беспокоился, так как её отец погиб при таком ливне в автобусе. Но пикантность ситуации заключалась в том, что в Хьюстоне меня встречали чётко в определённое время мои партнёры, которые должны были меня поселить в гостиницу. А у меня не было мобильного телефона, я не мог их предупредить, а также не было денег на самостоятельное устройство в гостиницу. Слава богу, автобус нагнал время и приехал вовремя.

Следующий полёт — в Миннеаполис. Во время прилёта на город обрушился снежный ураган, но, слава богу, благополучно сели. Наконец, прилетев в Нью-Йорк, узнал, что бастуют авиадиспетчеры и откладывается рейс в Хельсинки. Когда я прибыл в столицу Финляндии, то случайно удалось предупредить водителя ожидающего автобуса об этом опоздании: симка не работала, а стационарные телефоны отовсюду убраны. Выручила соседка по самолёту, украинка, проживающая в Канаде — дала свой действующий мобильник. Вот такая поездочка.

Можно ли считать, что ты участвуешь в новой модели Международного Образования и Работы? В частности, эта модель подразумевает наличие дома в одной стране, а работы в нескольких других. Как, в этом случае, обозначить твой статус? В качестве кого ты подаёшь на работы, гранты и участия в конференциях?

В каких странах ты преподавал и проводил исследования? Я видел в твоём CV большое количество международных наград – за исследования, руководство научными работами и, особенно много, связанных с преподаванием. Как ты пришёл к преподаванию? Чем ты доволен в своей карьере, а в чём видишь свои главные неудачи? Какого рода философские выводы ты мог бы сделать из своего достаточно уникального опыта?

Что касается модели проживания и работы в разных странах, то она, конечно, относительно новая. Наверное, я был одним из первых в России, кто в неё включился. Но, безусловно, есть исследователи, которые, на мой взгляд, гораздо больше преуспели в её освоении и сумели использовать все или большинство её возможностей. Например, в моём опыте не было работы в университетах или исследовательских центрах, которые находятся одновременно в юрисдикции нескольких стран. Например, в Карнеги Фонде, расположенном в Москве и Вашингтоне. Также, я не принимал участие в совместном международном исследовательском гранте. Сейчас, правда, работаю над совместной публикацией с партнёрами университета, где я работаю – профессорами Университета Хьюстона. Среди тех, кто гораздо полнокровнее использует эту новую модель, я бы хотел назвать выдающихся, на мой взгляд, социологов – В. Волкова, О. Хорхордина и Э. Понарина, а также видных демографов – С. Захарова и Г. Сафарову.

Также, есть люди, расширившие варианты описанной тобой модели «иметь дом в одной стране, а работать в нескольких других». Есть исследователи, имеющие также и дома в разных странах, где они работают. Например, бывшая глава проекта «World Value Survey» – шведка, но у неё есть небольшая собственность во Франции, на Лазурном берегу. А именно – замок Рауля Валленберга.

Преподавал я в США, в Миннесотском Университете, в Международном Институте Искусств, также в Миннесоте, кроме того, читаю по скайпу курс для партнёрского Университета Хьюстона. В России преподаю в Санкт-Петербургском Гуманитарном Университете Профсоюзов, также преподавал на Международной Магистерской программе, спонсируемой Южной Кореей в т.н. Корейском Центре Большого Университета (СПбГУ); И, как говорил выше, читал курсы на английском и русском языках в Вышке (ВШЭ). Очень сожалею, что не удалось попреподавать в Европейском Университете в Питере. Исследовательской работой я занимался, конечно же, в Миннесотском Университете в рамках диссертационного проекта, в НКО «Red leaf», также в Миннесоте. Кроме того, как я говорил выше, у меня были два гранта от Центрально-Европейского Университета в Будапеште. По одному из них я занимался два месяца исследованиями в Венгрии. А другой – на развитие критического мышления при преподавании социальных наук – был опробован в Гуманитарном Университете, во время чтения курсов. Отчёт по нему, впрочем, пошёл в ЦЕУ, и результаты были доложены на конференции Американской Социологической Ассоциации в Лас-Вегасе. Ну, и конечно, я проводил исследования в своей предыдущей жизни, в ИСЭП АН СССР.

Что касается лейбла для исследователей, работающих в такой модели, я думаю, наиболее адекватное и используемое название – International Scholar. Я всюду представляю себя, и при подаче на гранты и работы, и на выступлениях и конференциях,

как доцент Санкт-Петербургского Гуманитарного Университета, каковым и являюсь. Когда я по совместительству работал в Вышке, я в ряде случаев добавлял и эту аффилиацию. С недавних пор, после получения PhD, я присовокупил эту степень к своей фамилии. Что до остальных моих credentials, то они видны в прилагаемой к подаче на работы и гранты CV.

Теперь – о преподавании. Здесь получилось по знаменитому анекдоту: «Рабинович, Вы играете на рояле?» – «Не знаю, не пробовал». До обучения в Миннесотском Университете я никогда не преподавал и, честно говоря, очень боялся этого. Но в МУ моим ментором был великолепный лектор, профессор У. Брустайн, который был завзятым театралом и инкорпорировал театральные приёмы в своё преподавание. Например, иллюстрируя политический спектр французской прессы – от правой «Орор» до ультралевой «Юманите», он шагал справа налево, при этом каждый шаг означал полевание каждой последующей газеты в этом континууме. Он заставил меня сделать пробные лекции и, после получения его фидбека, я стал включаться в чтение лекций. И постепенно вошёл во вкус. Не будучи, конечно, таким талантливым, как Брустайн, я всё же стал очень хорошим и популярным лектором, и, как ты увидел в CV, получил за это несколько наград в США и России. К настоящему моменту в общей совокупности я прочёл порядка 19 курсов, из них в девяти был автором или соавтором.

Я думаю, что секрет успеха в этой области в моём случае заключается в том, что мне удалось соединить три важных элемента: подача материала (близкая моим сценическим наклонностям), интеллектуальная начинка, полученная в «моих университетах» и довольно разнообразный жизненный опыт (примеры на многие постулаты и из разных социокультурных и исторических контекстов). Философия преподавания моя близка к исповедовавшейся и практиковавшейся У. Брустайном. Оно должно быть живым, интерактивным и прикольным – даже когда материал сложен и высокоинтеллектуален. Во время лекций, также как и в любви, и в музыкальных выступлениях, люди должны забывать о своих границах и становиться единым целым.

Помимо официальных сертификатов, я чувствую также и живой отклик студентов на свои лекции. Раз, находясь у стойки в аэропорту Амстердама (я летал в Америку голландской компанией KLM), я услышал, что кто-то меня окликнул. Оказалось – студентка из Миннесотского Университета. Спрашивает: «Будете ли Вы у нас ещё преподавать? Мы Вас ждём». И схожая реакция была во всех местах, где мне довелось преподавать. Но, наверное, в самой большой степени это характерно для Гуманитарного Университета. Я, конечно, рад сеять разумное, доброе, вечное как в души молодых людей, так и девушек или трансгендеров. Но всё же присутствие представительниц прекрасного пола как-то особенно вдохновляет. Особенно в Гуманитарном Университете, где около половины девушек участвует в конкурсах красоты. И, с одной стороны, забавно, а с другой, и приятно, когда после лекции подходят и просят дать автограф на память или просят сделать совместное фото, как талисман для будущей удачи или же, когда читаешь то, что одна написала в комментариях к моему преподаванию: «Он – мой кумир. Удивительное чувство эмоциональной сопричастности и самодостаточности». Читаешь такое и сам себя не узнаёшь. Ну, не буду множить примеры, чтобы не перевести академический диалог в обсуждение моего «облика морале», учитывая возрастную разницу.

Как ты видишь из моего CV, у меня есть также награды за исследования и за менторство студенческой научной деятельности. Но, конечно, несвершений и упущенных возможностей — великое множество. Не могу, например, себе простить, что я не воспользовался возможностью во время пребывания в Миннесотском Университете бесплатно прослушать в течение семестра курсы в трёх среднезападных университетах, входивших с УМ в консорциум. Это — университеты Чикаго, Медисон-Винконсин и Энн-Арбор, Мичиган. Все они исключительно продвинуты в плане демографических исследований.

Не воспользовался я также и возможностью, которая открылась в 90-е годы — подавать на гранты, предназначенные исключительно для России, прежде всего, это гранты Сороса, Макартуров и Форда. Кроме того, у меня постыдно мало публикаций в реферируемых журналах. Пытаюсь как-то восполнить этот пробел сейчас, тем более, что очень много накопилось материала. Но помимо «валовых показателей», есть сомнения по поводу научной ценности того, что я пишу. Как ты наверняка знаешь, есть масса аккуратных и причёсанных публикаций в нашей области, где есть и пробиты, и логиты, всё ништяк. Но за этим «технэ» стоит пустота. И я очень боюсь, не попадают ли мои работы под эту категорию. Хотя некоторые учёные мужи так не считают. Например, родоначальник подхода «рациональный выбор», профессор Университета Аризоны Майкл Гектор, побывав в нашем университете и ознакомившись с моим исследованием, лично просил главу факультета дать мне на него зелёный свет. Но так считают не все, а главное, что бы ни говорили другие, сомнения остаются у меня в любом случае. Я также не уверен, что у меня есть «социальное чутьё» т.е. способность одной ногой стоять в завтрашнем дне — качество, необходимое для бизнесменов и социальных мыслителей. Я, например, в конце 80-х годов, во время эйфории, связанной с перестройкой, радикально ошибался в траектории будущего развития моей родной страны. А ведь были учёные, причём не социологи, которые достаточно точно всё спрогнозировали. Среди них — философ Александр Зиновьев...

Здесь мы плавно можем перейти к философским выводам о нашей деятельности, карьере и творчестве. Недавно я прочёл книгу — сборник интервью знаменитого французского шансона, композитора, актёра и художника Сержа Генсбора. Он пишет о творчестве, как о мучительном процессе, который включает в себя убийство каких-то частиц своего «я» с тем, чтобы открыть дорогу другим. Для его рассказа характерны исповедальность, признание своих ошибок и сомнений. И я долго считал, что для творческого человека необходимо быть открытым, в чём-то непосредственным. Хочу привести пример того, когда люди не следуют этому канону. У меня есть коллега, очень талантливый учёный, которому я как-то раз сказал, что подал заявку на грант. Он удивился: «И ты не боишься об этом говорить? А если ты его не получишь?». Я его так понял, что не следует забывать о хорошо известном опасении «А что скажет княгиня Марья Ивановна?». Для меня вопрос решается просто. Если Марья Ивановна права, то зачем это скрывать? А если она дура, и не способна реально оценить твои достижения, то зачем обращать на неё внимание? Но вот мой коллега, несмотря на то, что его философия не вписывается в данный канон, пишет очень талантливо и плодотворно. Хотя, кто знает, стал ли бы он писать ещё лучше, если бы не было этого зажима...

Ещё одно философское умозаключение, основанное на собственном опыте. Я всегда считал, основываясь на прочитанной литературе и воспитании, что выбор темы для научной или любой другой творческой деятельности должен быть мотиви-

рован внутренними склонностями, предназначением и т.п. С некоторых пор я стал несколько менять догмат этой веры. Как-то я прочёл, как «Битлз» писали некоторые свои песни. Джон и Пол говорили друг другу: «Давай напишем гараж» или «Давай напишем плавательный бассейн». Слушаешь песни, написанные с такой мотивацией, и ничего, есть там и творческая новизна, и духовность, и посыл. В моём опыте также был случай, способствующий, если не отречению, то некоторым поправкам к предыдущей вере. Как я говорил выше, у меня была успешная заявка на один из грантов Центрально-Европейского Университета в Венгрии. Подавал я её практически с одной-единственной целью – нужны были деньги. Ну, ещё, хотел немного укрепить своё CV. Выбрал тему, связанную с междисциплинарным анализом, фанатом которой не являлся. Она была созвучна предлагаемой тематике и в итоге «выстрелила». В ЦЕУ эта тема трансформировалась в исследование и развитие критического мышления у студентов, изучающих гуманитарные дисциплины. Она меня очень заинтересовала, я успешно провёл исследование и также успешно доложил результаты на конференции Американской Социологической Ассоциации в Вегасе. Но и первоначальная тема не пропала зря. Она легла в основу разработки по интеграции различных социальных теорий, которая послужила центральной частью неопубликованной ещё монографии. Какой вывод? Сам до конца не знаю. Не хочется петь оду Мамоне. Может быть, стоит прислушаться к более умеренному высказыванию из песни Элтона Джона: «Do yourself a favor, and the meal ticket does the rest».